

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

МЫСЛИ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

От редакции. Ниже публикуется русский вариант статьи Н. С. Трубецкого, немецкий вариант которой был опубликован в 1939 г. (N. S. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhagen, 1939, стр. 81—89). Русский текст статьи в ряде мест отличается от немецкого. Статья излагает содержание доклада, сделанного Н. С. Трубецким 14 декабря 1936 г. в Пражском лингвистическом кружке. Статья, подчеркивающая чисто лингвистический характер индоевропейской проблемы, была направлена против научно не обоснованных теорий, связывавших носителей индоевропейского пра-языка с посетителями определенных археологических культур в Европе. Предложенное Трубецким структурное определение языкового родства, гипотеза о возможности конвергентного развития языковой семьи и замечания о характере типологической эволюции языка перекликаются с идеями ряда других современных лингвистов (ср. В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание, сб. «Общее и индоевропейское языкознание», М., 1956, стр. 168; см. о возможности археологического подтверждения гипотезы Трубецкого Н. Hencken, Indo-European languages and archeology, «American Anthropologist [American anthropological association]», vol. 57, № 6, part 3, Memoir № 84, 1955, стр. 46—48). Вместе с тем выбор структурных признаков индоевропейских языков у Н. С. Трубецкого не может считаться достаточно мотивированным, что отмечалось в советской лингвистической литературе (А. А. Фрейман, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 3, 1947, стр. 193).

Индоевропейцы — это люди, родной язык которых принадлежит к индоевропейской семье языков. Из этого с научной точки зрения единственно-возможного определения вытекает, что понятие «индоевропейцы» является чисто лингвистическим, — в такой же мере, как понятия «синтаксис», «родительный падеж» или «ударение». Существуют индоевропейские языки и существуют народы, говорящие на этих языках. Единственным признаком, общим всем этим народам, является принадлежность их языков к индоевропейской семье языков.

В настоящее время существует много индоевропейских языков и народов. Оглядываясь назад, в историческое прошлое, мы замечаем, что так было и раньше, насколько наш взор проникает в глубь веков. Кроме предков современных индоевропейских языков, в древности существовал еще целый ряд других индоевропейских языков, которые вымерли, не оставив потомства. Предполагают, что в какие-то чрезвычайно отдаленные времена существовал один-единственный индоевропейский язык, так называемый индоевропейский праязык, из которого будто бы развились все исторически засвидетельствованные индоевропейские языки. Предположение это противоречит тому факту, что, насколько мы можем проникнуть в

глубь веков, мы всегда находим в древности множество индоевропейских языков. Правда, предположение о едином индоевропейском праязыке нельзя признать совсем невозможным. Однако оно отнюдь не является безусловно необходимым, и без него прекрасно можно обойтись.

Понятие «языкового семейства» отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка. Под «языковым семейством» разумеется группа языков, которые, кроме ряда общих черт языкового строя, представляют между собой также еще ряд общих «материальных совпадений», т. е. группа языков, в которых значительная часть грамматических и словарных элементов представляет закономерные звуковые соответствия. Но для объяснения закономерности звуковых соответствий вовсе не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого. Так, например, в древнейших заимствованиях западнофинских языков из (восточно-) славянского славянские звонкие взрывные *б, д, г* между гласными закономерно передаются финскими краткими глухими *п, т, к*, славянские глухие взрывные *п, т, к* — финскими долгими (двойными) глухими *pp, tt, kk*, славянское *ъ* — финским *і*, славянское *ь* — финским *и* (но в конце слова после славянских глухих согласных — финским *i*), славянское *о* — финским *a*, славянское *е* — финским *ä* и т. д. Совпадения в рудиментарных элементах словаря и морфологии тоже не является доказательством происхождения из общего праязыка, ибо в принципе все элементы языка подвержены заимствованию, а на низких ступенях развития рудиментарные элементы словаря особенно часто переходят из одного языка в другой. В свое время Пауль Кречмер (в своей «*Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*») вполне основательно утверждал, что между понятиями родства и заимствования с лингвистической точки зрения существует только хронологическое различие. Слова, проникшие из одного индоевропейского языка в другой после известного звукового изменения, мы узнаем как заимствованные, потому что закономерность звуковых соответствий оказывается нарушенной. Например, славянское *тънь* явно заимствовано из германского *tūnas* (нем. *Zaun*, англ. *town*), так как в «исконно-родственных» словах германскому *t* (нем. *z*, англ. *t*) должно соответствовать славянское *д* (ср., например, нем. *zwei*, англ. *two* — слав. *дѣтъ, дѣва*; нем. *zu*, англ. *to* — слав. *до*; нем. *zwingen* — слав. *двигати*; нем. *sitzen*, англ. *sit* — слав. *сѣдѣти*; нем. *Zahl* — слав. *доля*; англ. *tear*, нем. *zerren* — слав. *дѣрати, дѣра*; нем. *zerger* — русск. *дѣргать* и т. д.). Здесь мы узнаем о том, что слово заимствовано, только потому, что заимствование произошло уже после изменения *d* в *t* на германской почве: если бы заимствование произошло до этого изменения, по-славянски получилось бы не *тънь*, а *дынь*, которое мы должны были бы считать «исконно-родственным» с нем. *Zaun* и англ. *town*. Весьма возможно, например, что германское слово, послужившее источником для славянского *тънь*, было само заимствовано из кельтского (ср. галльск. *danum* в названиях укрепленных городов, вроде *Neriodunum*, *Mellodunum*, *Eburacdonum*, *Uxellodunum* и т. д.). Но поскольку это заимствование произошло еще до перехода *d* в *t* на германской почве, германское *tūnas* (нем. *Zaun*, англ. *town*) ничем не проявляет своего кельтского происхождения и должно рассматриваться как «исконно-родственное» с кельтским *dūnum*. Строго говоря, «индоевропейскому праязыку» приписываются все языковые (словарные и грамматические) элементы, которые встречаются в нескольких индоевропейских ветвях и не заключают в себе никаких указаний на направление, в котором они заимствовались одним языком у другого. Точно так же обстоит дело и в других языковых семействах.

Таким образом, нет собственно никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т. е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом. История языков знает и дивергентное и конвергентное развитие. Порою бывает даже трудно провести грань между этими двумя видами развития. Романские языки несомненно все восходят к одному латинскому (вульгарнолатинскому) языку. Но эпохе усвоения вульгарнолатинского языка иберами, галлами, лигурами, этрусками, венецами, даками и т. д. несомненно предшествовал период приспособления языков всех этих племен к латинскому языку, период, когда все это языки насыщались словарными заимствованиями из латинского и видоизменяли свою грамматику и синтаксис в направлении, сходном с латинским. И не подлежит сомнению, что и сам латинский язык именно в этот же период переживал сильнейшие изменения, вызванные процессом встречного приспособления к варварской речи. А в результате, когда варварские языки в разных частях бывшей Римской Империи исчезли, уступив место латинскому, этот латинский язык в каждой провинции оказался несколько иным, так что полного языкового единства собственно так и не получилось. После же вытеснения варварских языков латинским провинциальные разновидности этого языка стали развиваться в разных направлениях и в конце концов породили современные романские языки, настолько отличающиеся друг от друга, что представители двух разных романских языков (а зачастую, и двух говоров одного и того же романского языка) уже не понимают друг друга. В то же время, в целом ряде частных случаев, те же романские языки (особенно языки литературные) представляют в дальнейшей своей истории тенденцию к взаимному сближению. Таким образом, здесь конвергенция и дивергенция с самого начала переплетаются друг с другом.

Романские языки являются одним из примеров развития семейства языков из «праязыка». Пример этот не вполне удачен потому, что «праязыком» в данном случае служил государственный язык с письменной традицией. Но рядом с настоящими романскими языками существуют и языки, так сказать, «полуроманские», т. е. языки, вставшие на путь постепенной замены своих оригинальных черт и элементов народнолатинскими, но не дошедшие в этом направлении до конца. Таков, например, язык албанский. Значительная часть его словаря состоит из романских элементов, и грамматический строй его сильно напоминает строй романский. Но, в то же время, язык этот не стал вполне романским и сохраняет еще очень большое число элементов, не объяснимых при помощи латинского. Так как латинский язык хорошо известен по памятникам и, кроме того, имеются живые романские языки, языковеды оказываются в состоянии в значительной мере распутать клубок романских и нероманских элементов албанского языка, хотя это и сопряжено с большими затруднениями. Но если бы в распоряжении ученых находилось только несколько «полуроманских» языков вроде албанского, то, применяя к этим языкам сравнительный метод, выработанный индоевропейским языковедением, пришлось бы восстанавливать их «праязык», причем нероманские элементы этих языков пришлось бы либо оставлять не объясненными, либо объяснять при помощи сложных и искусственных комбинаций, которые непременно отразились бы на восстановленном «праязыке». Картина еще осложнилась бы, если бы в распоряжении науки находилась не одна группа языков, вступивших на путь

конвергентного развития и остановившихся посреди этого пути, а потомки нескольких таких групп, связанных друг с другом частичной конвергенцией. Применяя метод классического сравнительного языковедения, пришлось бы восстанавливать «праязык» всей этой совокупности языков, так как в них во всех имелись бы и общие черты строя, и общие словарные и грамматические элементы в закономерными звуковыми соответствиями. «Праязык» несомненно восстановить удалось бы, но он, разумеется, не соответствовал бы никакой реальности.

Таким образом, языковое семейство может быть продуктом чисто дивергентного, или чисто конвергентного развития, или, наконец, продуктом сочетания обоих типов развития в разных пропорциях. Критериев, вполне объективно указывающих на то, какому именно типу развития обязана своим происхождением данная группа языков, по-видимому, нет или почти нет. Для семейств, состоящих из языков настолько близких, что почти все словарные и грамматические элементы каждого из этих языков находятся (с закономерными звуковыми изменениями) и во всех или в большинстве других языков того же семейства, — для таких семейств чисто дивергентное развитие, конечно, более вероятно, чем чисто конвергентное. Быть может, некоторые указания можно почерпнуть и из внутреннего членения данного языкового семейства. Существуют языковые семейства с сетевидным (или цепевидным) членением. Таковы, например, славянские языки. Здесь почти каждый язык является как бы связующим звеном между двумя другими, и связь между соседними языками осуществляется переходными говорами, причем нити связи тянутся и поверх границ между группами. Так, южнославянская группа не только представляет собой непрерывную цепь переходов от словинского языка (через кайкавщину) к сербо-хорватскому, а от него (через ряд переходных говоров) к болгарскому, но можно прямо сказать, что из всех южнославянских языков ближе всего к западнославянским стоит словинский (и, в частности, его хорутанские говоры), а ближе всего к восточнославянским — болгарский (и, в частности, его восточное наречие) и т. д. Однако при сопоставлении славянских языков с прочими индоевропейскими это цепевидное членение прекращается. Не подлежит сомнению, что из всех других индоевропейских языков ближе всего к славянским стоят языки балтийские (литовский, латышский и вымерший древнепрусский). Но нельзя сказать, какой именно балтийский язык ближе всего к славянским и какой именно славянский ближе всего к балтийским. Вместо цепевидного членения здесь имеется иной тип членения, который можно было бы назвать кирпичевидным. И, возможно, что эти разные типы членения групп «родственных» языков связаны с разными типами возникновения этих групп, т. е. что цепевидное членение развивается при преобладании дивергенции, а кирпичевидное — при преобладании конвергенции.

Как бы то ни было, индоевропейское языковое семейство не представляет особо тесной связи между отдельными своими ветвями. Каждая из ветвей индоевропейского семейства обладает значительным числом словарных и грамматических элементов, не имеющих точных соответствий в других индоевропейских языках, — в этом отношении индоевропейское семейство сильно отличается от таких языковых семейств, как тюркское, семитское или семейство языков банту. А при таких условиях предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных друг другу языков (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путем чисто дивергентной эволюции.

Во всяком случае, названное предположение должно непременно приниматься во внимание при обсуждении так называемой «индоевропейской проблемы», и всякое высказывание об этой проблеме должно быть построено так, чтобы сохранять свою силу при допущении как того, так и другого вышеупомянутого предположения. Между тем до сих пор при обсуждении «индоевропейской проблемы» учитывается только предположение чисто дивергентного развития из единого индоевропейского праязыка. Благодаря этому одностороннему подходу все обсуждение проблемы попало на совершенно ложный путь. Подлинное, чисто лингвистическое существо индоевропейской проблемы было позабыто. Многие индоевропейцы совершенно неосновательно привлекли к участию в обсуждении «индоевропейской проблемы» доисторическую археологию, антропологию и этнологию. Стали рассуждать о местожительстве, культуре и расе индоевропейского «пранарода», между тем как этот пранарод, может быть, никогда и не существовал. Для современных немецких (да и не только немецких!) языковедов «индоевропейская проблема» получает приблизительно следующую формулировку: «какой тип доисторической керамики должен быть приписан индоевропейскому пранароду?». Но этот вопрос (точно так же, как и ряд подобных ему вопросов) с научной точки зрения разрешен быть не может и потому является праздным. Вся дискуссия вертится в заколдованном кругу, так как само существование индоевропейского пранарода доказано быть не может, точно так же, как не может быть доказана и связь определенных типов материальной культуры с определенным типом языка. Таким образом, создается мнимое понятие, романтический призрак «пранарода», и в погоне за этим призраком забывается та основная научная истина, за которую следовало бы держаться, — именно, что понятие «индоевропейцы» является исключительно лингвистическим.

Единственная научно допустимая постановка вопроса гласит: как и где образовался индоевропейский строй языка? И ответить на этот вопрос можно и должно, прибегая исключительно к лингвистическим понятиям и фактам.

Чтобы ответить на вопрос о месте и способе возникновения индоевропейского строя, нужно, конечно, прежде всего выяснить, каковы особенности самого этого строя.

По каким признакам лингвисты определяют, что данный язык является индоевропейским? Разумеется, для этого необходимо наличие в данном языке некоторого количества «материальных совпадений», т. е. корней, основообразовательных суффиксов и окончаний, совпадающих как по своей функции (по значению), так и по своей звуковой стороне (разумеется, при учете закономерных звуковых соответствий) с такими же элементами других индоевропейских языков. Однако невозможно сказать, как велико должно быть число таких совпадений, чтобы данный язык мог быть признан индоевропейским. Невозможно также сказать, какие именно словарные или грамматические элементы непременно должны быть налицо в каждом индоевропейском языке. Трудно найти слово, которое в соответственно закономерно измененном звуковом виде встречалось бы во всех без исключения индоевропейских языках. Как раз наиболее распространенные слова представляют в отдельных языках такие нарушения звуковых законов, что их прототип может быть восстановлен лишь при помощи некоторого насилия над фактами. Слова же, не представляющие в отдельных языках никаких звуковых неправильностей, обычно засвидетельствованы не во всех, а лишь в немногих индоевропейских языках. Что касается до грамматических окончаний, то они лишь очень редко находят себе вполне точное соответствие за пределами дан-

ной индоевропейской ветви. Очень часто обычные звуковые законы к окончаниям оказываются неприменимы, и приходится искусственно изобретать *ad hoc* особые «законы конца слова» (*Auslautgesetze*), поле действия которых иногда ограничено одним единственным примером (например, ходячие объяснения славянского дат. падежа ед. числа *рабу*, твор. падежа мн. числа *рабы*, род. падежа ед. числа *жены*). Ко всему этому надо прибавить еще и то, что как раз некоторые из наиболее распространенных в индоевропейских языках словарных и грамматических элементов вовсе не являются специфически индоевропейскими и распространены и в других, неиндоевропейских языковых семействах, например элементы отрицания с согласными *n* и *m*, местоименные корни *m* «мой, меня», *t* или *s* «твой, тебя», *to* «тот», *kwo* «кто?» и т. д. Принимая во внимание все эти обстоятельства, придется признать, что при решении вопроса о принадлежности данного языка к индоевропейскому языковому семейству «материальным совпадениям» не следует приписывать слишком значительной роли. Разумеется, «материальные совпадения» должны быть налицо, и их полное отсутствие является доказательством того, что данный язык к индоевропейскому семейству не принадлежит. Но число этих совпадений довольно безразлично, и среди них нет ни одного, наличие которого было бы обязательно для того, чтобы засвидетельствовать индоевропейский характер данного языка.

Для доказательства принадлежности данного языка к индоевропейскому семейству, кроме неопределенного числа «материальных совпадений», необходимо наличие следующих шести структурных признаков, свойственных всем известным нам индоевропейским языкам (живым и вымершим):

Во-первых, два фонологических признака скорее отрицательного характера:

1. Отсутствие гармонии гласных. Состав гласных первого слога слова в индоевропейских языках никогда не определяется составом гласных первого слога (в отличие от языков алтайских и многих угро-финских). В тех случаях, где термин «гармония гласных» применяется к отдельным индоевропейским языкам или диалектам (например, в подляшских и западноукраинских говорах, в резьянском говоре словинского языка), на самом деле имеется просто приспособление неударяемых гласных к ударяемым по степени открытости (например, в резьянском говоре словинского языка *koleno* сохраняется, но *korito* переходит в *kuritu*, в подляш.-укр. с *собой* сохраняется, но дат. падеж *sobí* переходит в *subí* и т. д.) — результаты этого процесса совершенно не похожи на то явление, которое принято называть гармонией гласных в алтайских и угро-финских языках.

2. Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова. В этом отношении индоевропейские языки сильно отличаются от большинства угро-финских и алтайских языков. В тех случаях, когда в индоевропейских языках в начале слова допускаются не те же согласные, что внутри слова, набор согласных начала слова оказывается богаче набора внутрисловного: так, например, говоры шотландского языка различают в начале слова *придыхательные* и *непридыхательные* согласные, в некоторых новоиндийских языках в начале слова различаются согласные *придыхательные*, *непридыхательные* и *смычно-гортанные*, внутри же слова этого различия не существует (таковы, например, восточные говоры бенгальского языка). Ни в одном угро-финском или алтайском языке такое явление не могло бы иметь места (но в северокавказских языках оно вполне допустимо; ср., например, чеченский язык,

в котором различие между глухими простыми и смычногортанными существует только в начале слова).

Следующие три особенности относятся к области «морфонологии»:

3. Слово не обязано начинаться с корня. Индоевропейских языков без префиксов не существует. Даже в наиболее древних индоевропейских языках имеются настоящие префиксы, т. е. такие морфемы, которые встречаются только в сложении с последующим корнем, а как самостоятельные слова никогда не употребляются (например, *n-* «без-», *su-* «добро-», «благо-», *dus-* «худо-», аугмент *e-* и т. д.). В позднейших же индоевропейских языках число таких префиксов имеет наклонность увеличиваться.

4. Образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы. К старому чередованию гласных (*Ablaut*'), о причинах возникновения коего можно высказывать лишь более или менее правдоподобные догадки, в каждом индоевропейском языке присоединяются и новые виды чередования гласных, условия возникновения которых определяются без особого труда. Однако, хотя новые чередования гласных и вызваны действием специальных звуковых законов, законы эти уже утратили силу, и с точки зрения данной эпохи новое чередование гласных является уже не механически обусловленным, а столь же «свободным» и «грамматическим», как старый *ablaut*. Так, с точки зрения современного русского языка нет принципиальной разницы между чередованием *e* — *o* в случаях *мѣлет* — *мѣлотый*, *пѣть* — *пой* и *течь* — *ток*, между тем как это чередование в первом случае вызвано специально русскими звуковыми законами, во втором — общеславянскими звукоизменениями, а в третьем восходит к еще более древнему, дославянскому («общеевропейскому») чередованию гласных. Таким образом, во всех индоевропейских языках старые и новые случаи и виды чередования гласных сочетаются друг с другом и создают подчас сложнейшие ряды. Так, например, немецкий корень со значением «ломать, обламывать» выступает в немецком литературном языке с восемью разными огласовками, т. е. со всеми простыми (не дифтонговыми) гласными немецкого языка: *Bruch* «перелом», *gebrochen* «сломан», *brach* «сломал», *bräche* конъюнктив прош. времени, *brechen* «ломать», *brich!* «ломай!», *brüchig* «ломкий», *ab-bröckeln* «отбить, отломить».

5. Наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных. Степень использования этого средства в отдельных индоевропейских языках очень различна. Но так или иначе оно применяется во всех них, и нет ни одного индоевропейского языка, которому грамматическое чередование согласных было бы совсем чуждо. С исторической точки зрения все эти виды чередования согласных обязаны своим происхождением разным комбинаторным звуковым изменениям, условия которых большею частью легко поддаются определению. Но с точки зрения синхронической (т. е. с точки зрения данного состояния языка) чередование согласных уже внешне не обусловлено и является таким же большей частью вспомогательным средством формообразования, как и чередование гласных. Особенность эта типологически очень важна, в чем нетрудно убедиться, сравнив индоевропейские языки с некоторыми другими: так, семитским языкам грамматическое чередование согласных совершенно чуждо; чуждо оно и языкам севернокавказским (за исключением арчинского и кюринского, ныне «лезгинского»); в алтайских же языках су-

ществоует только внешне обусловленное, комбинаторное чередование согласных на морфологических «швах».

Наконец, последний пункт относится к области морфологии.

6. Подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее переходного. В тех индоевропейских языках, в которых различие между подлежащим и прямым дополнением переходного глагола выражается падежными окончаниями, подлежащее непереходного глагола принимает то же окончание, что и подлежащее переходного (например, лат. *filius patrem amat—filius venit*); а в тех индоевропейских языках, в которых различие между подлежащим и прямым дополнением переходных глаголов выражается расположением слов в предложении, подлежащее непереходного глагола расположено по отношению к своему сказуемому совершенно так же, как подлежащее переходного глагола (например, франц. *le fils aime le père — le fils vient*).

Каждый из перечисленных выше шести структурных признаков встречается порознь и в неиндоевропейских языках, но все шесть вместе — только в индоевропейских. Язык, не обладающий всеми шестью названными признаками, не может считаться индоевропейским, даже если словарь его включает в себе много элементов, совпадающих с индоевропейскими. И, наоборот, язык, заимствовавший большую часть своих словарных и формативных элементов из неиндоевропейских языков, но представляющий перечисленные выше шесть признаков (наряду с хотя бы небольшим числом слов и аффиксов, общих другим индоевропейским языкам), должен быть признан индоевропейским. Из этого следует, что язык может сделаться индоевропейским или, наоборот, перестать быть индоевропейским.

Момент, когда все перечисленные шесть структурных признаков впервые сочетались друг с другом в одном языке, словарь и грамматика которого заключали в себе ряд элементов, нашедших с течением времени соответствия в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках, — этот момент следует признать временем возникновения индоевропейского строя языка. Никакие данные доисторической археологии, разумеется, не могут дать указание на то, когда именно это произошло, ибо техника керамики или форма оружия не стоят ни в какой связи с перечисленными выше шестью структурными признаками. Таким образом, время возникновения индоевропейского строя никогда не удастся выяснить. Следует только заметить, что процесс сочетания наших шести структурных признаков с некоторым числом «праиндоевропейских» корней и аффиксов мог протекать приблизительно одновременно в нескольких языках сразу. В таком случае индоевропейских языков с самого начала было несколько, причем первоначально они составляли «языковой союз», из которого с течением времени развилось языковое семейство. Ретроспективно лингвисты вынуждены рассматривать эти члены древнейшей индоевропейской группы языков как «диалекты индоевропейского праязыка», но выводить их непременно из одного общего источника нет никаких оснований.

Для определения того географического пространства, в котором мог произойти этот процесс возникновения индоевропейского строя, надо принять во внимание следующее соображение. Предложенная в свое время Йоганном Шмидтом так называемая «теория волн» применима не только к диалектам одного языка и к группам родственных языков, но и к соседствующим друг с другом неродственным языкам. Соседние языки, даже не будучи родственными друг с другом, как бы «заражают друг друга» и, в результате, получают ряд общих особенностей в звуковой и грамматической структуре. Количество таких общих черт зависит от продолжительности географического соприкосновения данных языков. Все это применимо

и к языковым семействам. В большинстве случаев языковое семейство представляет определенные особенности, из которых одни объединяют его с одним соседним семейством, а другие — с другим, тоже соседним. Таким образом, отдельные семейства образуют целые цепи. Так, угро-финские языки и тесно с ними связанные языки самодские представляют целый ряд структурных особенностей, общих с языками «алтайскими» (т. е. тюркскими, монгольскими и маньчжуро-тунгусскими). Алтайские языки, в свою очередь, некоторыми структурными особенностями напоминают языки корейский и японский, а этот последний наряду с чертами, сближающими его с алтайскими языками, обладает и другими чертами, роднящими его с языками малайско-полинезийскими. С другой стороны, алтайские языки имеют общие черты и с так называемыми «палеоазиатскими» языками («огульским» — юкагирским, «нивхским» — гилияким и камчатской группой, состоящей из «ительменского» — камчадальского, «нымыланского» — коряцкого и «луораветланского» — чукотского), а эти языки (в особенности их камчатская группа) по структуре явно напоминают язык эскимосский и через него соединяются с некоторыми другими североамериканскими языками. Точно таким же образом в Африке языковое семейство «банту» через посредство «бантоидных» языков связывается с языками суданскими и нилотскими; суданские языки представляют известные черты сходства с некоторыми одиноко стоящими западноафриканскими языками вроде волофского и фульского, которые, с другой стороны, известными особенностями напоминают языки берберские; нилотские языки, по-видимому, представляют известное сходство с кушитскими. Наконец, языки берберские, кушитские, египетский (коптский) и семитские представляют столько общих черт в своей структуре, что их часто принято объединять под именем «хамито-семитских».

Учитывая эту общую склонность к «цепному» географическому расположению языковых семейств, а также и то обстоятельство, что, как было уже указано выше, все структурные черты индоевропейского языкового строя порознь встречаются и в неиндоевропейских языках, можно с некоторой степенью вероятности определить приблизительное географическое место возникновения индоевропейского языкового строя. «Соседями» древнейшего языка (или языков) индоевропейского строя могли быть только две большие группы языков (точнее, языковых семейств), из которых одну условно можно назвать «урало-алтайской», а другую — «средиземноморской». Урало-алтайская группа (включающая в себя семейства угро-финское, самодское, тюркское, монгольское и маньчжуро-тунгусское) объединяется с индоевропейским наличием номинативно-аккузативной (именительно-винительной) конструкции («пункт 6»), а сверх того, наиболее западный член этой группы, семейство угро-финское представляет свободное грамматическое чередование согласных («пункт 5»). Средиземноморская группа языковых семейств (представленная ныне языками северокавказскими, южнокавказскими, семитскими, баскским, может быть также и берберскими языками, а в древности еще и вымершими языками Малой Азии) совпадает с индоевропейским строем в «пунктах» 1, 2, 3 и 4-м, но отличается от него неизменностью согласных и эргативной конструкцией (чуждой, впрочем, семитским языкам)¹. Индоевропейский языковой строй является связующим звеном между строем урало-алтайским и средиземноморским, и потому возникновение индоевропейского строя естественнее всего локализовать где-то между областью

¹ Под эргативной конструкцией мы понимаем такой грамматический строй, при котором подлежащее переходного глагола имеет не ту же форму, что подлежащее непереходного глагола. Например, аварск. *сац ескерула* «мальчик бежит», *соцас тил босула* «мальчик берет палку».

урало-алтайских языковых семейств, с одной стороны, и средиземноморских семейств, с другой. В то же время следует заметить, что дравидские языки в Индии представляют с урало-алтайскими языками целый ряд общих черт языковой структуры, причем эти черты индоевропейским языкам чужды. Это делает невозможным локализацию возникновения индоевропейского строя в областях, расположенных между урало-алтайскими и дравидскими языками, т. е. в Иране или в северной Индии. Еще менее вероятны более восточные локализации, при которых индоевропейский строй должен был бы играть роль промежуточного звена между урало-алтайским и китайским, или между урало-алтайским и тибето-бирманским языковым строем. Таким образом, место возникновения индоевропейского строя определяется и положительно и отрицательно: это есть область, лежащая между областями урало-алтайской и средиземноморской групп языковых семейств и не вклинивающаяся между урало-алтайскими и дравидскими языками.

Разумеется, эти географические указания довольно неопределенны, тем более что мы совершенно не знаем, как далеко на север распространялась в отдаленном прошлом «средиземноморская» группа языковых семейств, представители которой в настоящее время удержались еще у Бискайского залива и на Северном Кавказе. Но более точно определить место возникновения индоевропейского строя научными средствами невозможно. Во всяком случае, следует отказаться от предрассудка, будто «индоевропейский праязык» (или первый язык индоевропейской структуры) господствовал в узко ограниченном пространстве. При том неединообразном характере, который приходится приписывать «индоевропейскому праязыку», даже при младограмматических методах реконструкции, признание единого центра или очага распространения индоевропейского языкового семейства очень мало вероятно. Совместное же действие нескольких очагов распространения вполне мыслимо и на очень обширном географическом пространстве — скажем, от Северного моря до Каспийского моря.

Возникновение индоевропейского языкового строя, всей совокупности «материальных» и «формальных» признаков индоевропейских языков было плодом длительного исторического развития. Индоевропейский строй подвержен эволюции, как и все, что относится к языку. В принципе каждая индоевропейская ветвь развивается самостоятельно, но есть некоторые тенденции развития, общие всем индоевропейским ветвям или, по крайней мере, их большинству. Сравнение этих тенденций с фактами соседних, неиндоевропейских языков вскрывает некоторые любопытные обстоятельства.

Для наиболее древних периодов развития индоевропейских языков приходится принимать не менее трех способов артикуляции взрывных согласных. В современных же индоевропейских языках число способов артикуляции взрывных обычно сводится к двум; только в таких языках, как армянский, курдский, осетинский и некоторые новоиндийские, т. е. в языках, окруженных неиндоевропейской языковой средой, удержались еще трех- и четырехчленные системы взрывных. Обращаясь к соседним языкам, замечаем, что системы с тремя способами артикуляции взрывных имеются во всех северокавказских и южнокавказских языках, а также в баскском и (если считать так называемые «эмфатические» согласные особым способом артикуляции) в семитских языках; языки же угро-финские и алтайские представляют только два типа взрывных, точно так же как огромное большинство современных индоевропейских. Любопытно при этом, что в древнейшей индоевропейской звуковой системе класс губных взрывных отличался от других классов тем, что один из его трех чле-

нов (именно *b) встречался крайне редко. Совершенно ту же картину представляют современные северокавказские языки, в которых один из трех губных взрывных (именно так называемое «смычногортанное» p) встречается чрезвычайно редко (а во многих языках, например в аварском, в лакском и т. д., и вовсе не встречается); точно так же и в семитских языках класс лабиальных взрывных не знает эмфатической взрывной, и в доисторическом семитском «праязыке» этот звук, если вообще существовал, должен был встречаться особенно редко. Между тем в современных индоевропейских языках класс губных взрывных в отношении употребительности отдельных звуков вполне сравнялся с другими классами взрывных, и в этом отношении современные индоевропейские языки сближаются с угро-финскими, самоедскими и алтайскими.

Для «индоевропейского праязыка», вообще для наидревнейшей стадии развития индоевропейских языков приходится принимать два ряда согласных типа *k*, *g*¹. В исторических же индоевропейских языках находим только один ряд таких согласных, и в тех немногих языках, в которых имеется второй ряд (например, осетинск. *q*, *q'*), этот второй ряд явно вторичного происхождения. Из соседних языковых семейств два ряда *k*, *g* представляют прежде всего все северо- и южнокавказские языки, а может быть и семитские (если считать эмфатические глубокомягконебные согласные вторым рядом). Напротив, в языках угро-финских и алтайских существует только один ряд *k*, *g*, иногда с двумя оттенками произношения, обусловленными автоматической гармонией гласных. И если в самоедских языках наряду с нормальными *k*, *g* встречаются как особые фонемы заднемягконебные *q*, *q'*, то явление это (как и многие другие особенности самоедских языков) по всей вероятности следует приписать влиянию вымерших языков палеоазиатского типа.

По весьма вероятному предположению (за последнее время особенно убедительно доказанному польским лингвистом Е. Куриловичем) индоевропейские языки на древнейшей стадии своего развития обладали несколькими (по Е. Куриловичу — четырьмя) гортанными согласными, но позднее эти согласные были утрачены, и там, где современные индоевропейские языки представляют гортанные согласные (например, нем. *h*, укр. *g* и т. д.), эти звуки развились из других, негортанных уже на памяти истории². Из соседних языковых семейств языки северокавказские и хамито-семитские отличаются обилием гортанных согласных. Наоборот, в языках урало-алтайской группы гортанных согласных нет вовсе, и если в некоторых из этих языков встречается звук *h*, то он оказывается довольно поздним продуктом развития какого-нибудь другого звука (например, в венгерском *h* из более древнего *x*, в бурятском и в северозеванкийском *h* из *s* и т. д.)³. В этом отношении урало-алтайские языки напоминают исторически засвидетельствованные индоевропейские.

В древних индоевропейских языках некоторые глагольные формы образуются не только при помощи особых окончаний и определенных изменений гласных корня, но и при помощи частичного удвоения корня,

¹ Чем отличались друг от друга эти два ряда *k*, *g*, об этом существуют разные предположения. Одни ученые предполагают противопоставление чистых *k*, *g* лабиализованным (т. е. произносимым с таким же положением губ, как при гласной *u*), другие — противопоставление твердых *k*, *g* мягким *kʰ*, *gʰ*.

² Только в недавно открытом хеттском языке *h*, по-видимому, восходит непосредственно к одной из праиндоевропейских гортанных согласных.

³ В говоре касимовских татар имеется гортанный взрывной (*coup de glotte*), развившийся из общетюркского *k*; любопытно, что ту же эволюцию проделало и общеславянское *k* в рожанском (розентальском) говоре словинского языка (в Каринтии) и общегерманское *k* в некоторых голландских говорах.

именно, первой его согласной: такие формы известны в древнеиндийском, древнеиранском, древнегреческом, латинском (*posco-poposci, tango-tetigi, tundo-tutudi* и т. д.), умбском, оскском, готском. Но в языках, засвидетельствованных на более поздней ступени развития, таких форм уже нет, и современным индоевропейским языкам удвоение части корня при образовании глагольных форм совершенно чуждо. Из соседних языковых семейств языки северокавказские и семитские применяют удвоение согласной корня при образовании некоторых глагольных форм (ср., например, аварск. *тезе* «сорвать» — *тетезе* «срывать»; лакск. *цуц* «болеть» — *цуцар* «болит», *шишаран* «кипеть» — *шишарашшар* «кипит»; арчинск. *хурас* «смеяться» — *хураху* «смеялся» и т. д.). Наоборот, языковым семействам урало-алтайской группы удвоение согласной глагольного корня как средство образования глагольных форм совершенно чуждо.

Индоевропейские языки на сравнительно древней стадии своего развития различали грамматические роды существительных (как предполагают теперь, сначала — род одушевленный, или активный, и неодушевленный, или пассивный, позднее же — мужской, женский и средний). Но по мере своего развития индоевропейские языки обнаруживают склонность утрачивать это различие или сводить его к минимуму. Так, армянский и новоиранские языки совсем утратили различие грамматических родов, английский и голландский почти совсем утратили это различие, а в романских языках (точно так же, как в латышском и литовском) сохранилось только различие между мужским и женским родом. Из соседних языковых семейств сильнее всего настаивают на родовых различиях существительных языки северокавказские (чеченский язык, например, различает шесть грамматических родов) и, в более слабой степени, языки хамито-семитские. Наоборот, языковым семействам урало-алтайской группы различие грамматических родов существительных совершенно чуждо.

Наконец, если прав Uhlenbeck и некоторые другие лингвисты, противопоставление именительного падежа винительному, свойственное всем исторически засвидетельствованным индоевропейским языкам (совпадающим в этом отношении с языками урало-алтайскими), развилось сравнительно поздно, и в наиболее древний период своего развития индоевропейские языки применяли эргативную конструкцию, подобно современным северокавказским языкам (а также языку баскскому и некоторым вымершим языкам Малой Азии).

Все перечисленные выше факты как будто указывают на то, что в своем историческом развитии индоевропейские языки все более и более отдаляются от языкового типа, представленного современными восточнокавказскими языками, и приближаются к типу, представленному языками угро-финскими и алтайскими. Обстоятельство это может быть, конечно, истолковано разными способами. Можно видеть в нем отражение особых «исторических» (точнее, доисторических) событий в жизни индоевропейского «пранарода» и пытаться восстановить эти события. При известной доле воображения и при ловком обращении со скудными и допускающими самые разнообразные толкования данными доисторической археологии можно нарисовать довольно яркую картину «истории индоевропейского пранарода» и его отношения к другим «прарасам» и «пранародам». Картина эта, может быть, будет занимательна, но... научно неубедительна. А потому мы склонны принять иное толкование вышеприведенных фактов. Мы видим в переходе от восточнокавказского языкового типа к урало-алтайскому некий естественный процесс. Представленный современным северокавказскими (особенно восточнокавказскими) языками языковой

строй с гипертрофией флексии¹ несомненно гораздо менее прозрачен, экономен и удобен, чем строй, представленный урало-алтайскими языками и покоящийся на принципе так называемой агглютинации. Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу этноцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков². Отрешившись от этих предрассудков, следует признать, что чисто агглютинирующие языки алтайского типа с небольшим инвентарем экономно использованных фонем, с неизменяемыми корнями, отчетливо выделяющимися, благодаря своему обязательному положению в начале слова, и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными суффиксами и окончаниями представляют из себя технически гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие языки хотя бы восточнокавказского типа с неуловимыми корнями, постоянно меняющими свою огласовку и теряющимися среди префиксов и суффиксов, из которых одни наделены определенным звуковым обликом при совершенно неопределенном и неуловимом смысловом содержании, другие же при определенном смысловом содержании или формальной функции представляют несколько разнородных, не сводимых друг к другу звуковых видов.

Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что, вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом, — об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Charles Bally совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии.

Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, не порывая, однако, с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими.

1937 г.

¹ Под флексией (флективностью, флектированием) мы разумеем морфологически значимое изменение звукового вида морфем (корней и аффиксов).

² В этом месте статьи Н. С. Трубецкого имеется обширное примечание, в котором дается резкая критика взглядов Н. Я. Марра на развитие морфологических типов языков, а также излагается отношение Н. С. Трубецкого к теориям Н. Я. Марра в целом. Поскольку содержание этого примечания не связано непосредственно с темой статьи, оно здесь опущено. — *Ред.*